

Людмила Боярова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Украинский народ на протяжении нескольких столетий находился в особо длительном и тесном контакте с русским народом, обусловленном общностью политической, экономической и культурной жизни этих народов. Такой контакт, сопровождавшийся насильственной русификацией, не мог не оказать влияния на развитие украинского литературного языка, в частности его терминологических систем.

Особого внимания заслуживает "советский" период в развитии украинского языка. Уже в первые годы Советской власти наблюдается двойное отношение к этому языку: "С одной стороны, ... центральное правительство никогда его не запрещало. С другой стороны, этому же правительству, а особенно партии, во многих случаях он был нежелателен" (Шевелев 1987, 116).

За все время развития лексикографической, в частности терминологической, работы в Советской Украине 20-е – середина 30-х годов – самый продуктивный период как в составлении специальных словарей для разных областей знаний, так и в теоретической разработке многих терминологических проблем. Прослеживается тесная связь успехов лексикологии этого времени с началом украинизации в Украине, которая сформулировалась как политика государства где-то к 1925 году. Эта политика обусловлена целым рядом внутрипартийных и, особенно, международных событий. "Украинизация не была движением украинцев против Москвы, а в значительной мере, дальнейшим поворотом кремлевской политики" (Шевелев 1987, 137). Влияние украинизации на положение украинского языка и на отношение к нему было неоднозначным, поскольку проводилась эта политика непоследовательно и "сверху". И все же во время украинизации украинский язык начал употребляться почти во всех сферах общественно-политической жизни Украины, стал языком законодательства, науки и образования, частично армии. В этот период возрождения украинской нации и украинской культуры особо возросла потребность в развитой научной терминологии, что не могло не активизировать терминологическую работу в Украине. Терминологическая работа была сосредоточена в Институте

украинского научного языка, созданном в 1921 году, и с этого времени централизованно велась в его 5 отделах и 33 секциях. Основной задачей научного института было составление терминологических словарей, преимущественно русско-украинских. До середины 30-х годов в Украине опубликовано около 80 разнопрофильных русско-украинских и украинско-русских терминологических словарей, что, безусловно, следует отнести к успехам проведенной украинизации. В последующие годы продукция украинских лексикографов 20-х – середины 30-х годов рассматривалась в Советской Украине как утратившая свое научно-практическое значение, тенденциозно игнорировалась большинством языковедов и не была известна широкой общественности. В данной статье отрицаются высказывания некоторых советских ученых о недостаточном научном уровне решения терминологических проблем в словарях 20-х – середины 30-х годов и оценивается лексикографическое наследие этих лет с точки зрения не только возможного, но и необходимого использования его при разработке теоретических основ современного украинского терминообразования.

Анализ даже части словарей, изданных в 20-х – середины 30-х годов позволяет выделить ряд важных концептуальных положений, которыми руководствовались лексикографы того времени, создавая специальные переводные словари. Среди этих положений выделим такие: основу каждой украинской терминосистемы составляют национальные термины; иностранные термины должны усваиваться непосредственно из языка-продуцента без прямого влияния языка-посредника; в терминах должно быть соблюдено оптимальное соотношение между принятым названием и понятийным содержанием, вложенным в этот термин.

Проблему соотношения собственного и заимствованного в терминообразовании лексикографы этого периода решали однозначно: использование украинского слова-термина является более целесообразным для понятности и восприятия всего текста. В лексикографической практике тех лет ориентация на собственный термин, созданный по законам украинского языка, проявлялась в подборе украинских параллелей к терминам иностранного происхождения. Шли поиски украинских слов с максимальным соответствием внутренней формы общепринятому заимствованному термину. Если же таких слов не находилось, то в словаре приводился иностранный термин без нарушения звуковой формы, свойственной ему в языке-продуценте. Ученые 20-х – середины 30-х годов еще употребляют во многих терминах международные корни, фонетическое звучание которых в русском языке было неоправданно изменено относительно языка-источника: *магнет*, *хемія*, *стація* и др. И только позднее в украинском языке под влиянием русского появились *магніт*, *хімія*, *станція*. Отметим, что лексикографические работы этого периода содержат ограниченное

количество терминов, заимствованных через русский язык и скалькированных с него. Но процесс этот уже начался, потому что, как пишет в предисловии автор одного из словарей И. Шелудько, "практичность словаря требовала приспособления к современным обстоятельствам и состоянию технического дела на Украине, когда русский язык, а с ним и лексика, чуть ли не полностью овладевает литературой, промышленностью да и лицами, стоящими вокруг нее..." (Шелудько-Садовський 1928, 12). Подчеркнем, что это написано в 1928 году, то есть в период "украинизации".

Лексикографы этих лет обращали внимание и на то, что в некоторых случаях явление или предмет давно пережили свое первоначальное название, так как изменились со временем и приобрели новые свойства, то есть термин уже может не отражать сути явления или предмета на понятийном уровне. Использование таких слов-терминов поддерживается преимущественно традицией, а соотношение между смысловым объемом понятия и его названием нарушено и не соответствует современному развитию науки и техники. В цитированном ранее предисловии к одному из словарей приводятся следующие примеры из русского языка: "... 'лошадиная сила', где речь идет совсем не о 'силе', а о 'мощности', или 'электродвижущая сила', 'сила тока', где нет сложившегося понимания 'сила' " (Шелудько-Садовський 1928, 11). Остается, конечно, дискуссионным, насколько являются удачными украинские соответствия к приведенным выше русским терминам, предложенные в русско-украинских терминологических словарях 20-х – середины 30-х годов: *лошадиная сила* – *механічний кінь*, *электродвижущая сила* – *електрозворушення*, *сила тока* – *струм*, реже – *величина струму*, а *сила тока в ампер* переводится как *струм у амперів* или *струм на амперів*. Важным же является уже сама постановка вопроса, что необходимо пересмотреть, как термины отражают суть заложенных в них понятий, дать более точное название некоторым понятиям, то есть подыскать украинское слово, которое соответствовало бы тому, как определяется то или иное явление в современной науке и технике. Эта задача была по силам лексикографам 20-х – середины 30-х годов, так как большинство их в совершенстве владело многими языками, отсюда знание этимологии терминов на уровне первоисточников. Отметим, что скалькированные термины *кінська сила*, *електрорушійна сила*, *сила току* стали приводиться в более поздних технических словарях, в толковом одиннадцатитомном "Словнику української мови", а также начали широко употребляться специалистами, что отражено в научно-технической и учебной литературе. И только в последнее время ученые все-таки возвращаются к терминологическому словосочетанию *величина струму* как к более точно передающему данное понятие, чем *сила току*.

Лексикографы анализируемого периода продолжали начатую украинскими терминологами второй половины XIX столетия традицию формировать терминосистемы, ориентируясь непосредственно на язык-продукт и исключая прямое влияние какого-либо другого языка-посредника, в том числе и русского. Тот же автор в предисловии к словарю, который является русско-украинской лексикографической работой, предостерегает от недостатков опосредствованного перевода иностранных терминов через русский язык, сосредоточивая внимание на тех случаях, когда термин в русском языке не отражает сути заложенного в нем понятия или фонетически искажен по сравнению с языком-источником и в таком виде переходит в украинский язык. При этом не говорится о неизбежном появлении в украинской терминологии скалькированных терминов, не соответствующих структуре украинского языка, о чем много пишут современные терминологи. Объясняется это, вероятно, тем, что в Украине в те годы только началась ориентация на русские терминосистемы, поэтому автору предисловия, как и другим лексикографам тех лет, трудно было предвидеть все последствия прямого калькирования с русского языка.

Положительно оценивая лексикографическое наследие 20-х – середины 30-х годов, хотим при этом подчеркнуть, что не все, сделанное учеными тех лет, является рациональным и приемлемым для современного украинского терминообразования. К этому наследию в ряде случаев следует относиться и критически. Главное же, в чем убеждает опыт работы терминологов этого периода, – это то, что украинский народ имеет собственный терминофонд.

К середине 30-х годов в Украине замедляется, а затем и приостанавливается процесс украинизации. Прекращает свое существование Институт украинского научного языка, организуются репрессии по отношению к тем языковедам, которые стоят на позициях "буржуазного национализма", в число которых попало много лексикографов, поэтому их словари постепенно были изъяты из употребления. В таких условиях терминологическая работа в Украине почти прекращается, и активизируется она только в 50-е – 60-е годы. Но украинская терминологическая лексика развивается уже в эти годы, как и все последующие, под большим влиянием русской терминологии. В это время языковую политику в Советском Союзе определяла теория "слияния наций и их языков". Именно по этой теории должны были стираться национальные отличия народов СССР, в частности языковые отличия – за счет усиления роли русского языка в жизни этих народов. По нашему мнению, есть все основания утверждать, что в Украине эта известная теория советской эпохи более всего сказалась на украинской научной терминологии. Терминофонд украинского народа стал искусственно разрушаться вследствие тех процессов, которые начались в украинском

языке: "... Наступление на украинский язык извне, русификаторское движение на носителя языка, теперь сочеталось с наступлением на язык изнутри: сама структура, основа беззащитного литературного языка открыта русским влияниям и заимствованиям..." (Шевелев 1987, 208–209).

Длительное использование украинцами русскоязычной научной литературы максимально приблизило украинскую терминологию к русской. К 90-м годам XX столетия в украинские терминосистемы вошло такое количество калек с русского языка, что упорядочить современные украинские терминологические системы стало чрезвычайно трудно. Следует отметить, что отечественные терминологи прилагают много усилий для восстановления национальной основы в терминосистемах украинского языка без потери содержательного объема понятий. Однако процесс этот идет довольно медленно, поскольку языковое сознание современных украинских ученых сформировалось под влиянием русской научной среды, и естественно, что многие из них воспринимают кальки с русского языка как закономерное явление в украинской терминологии. Хотим подчеркнуть, что в Западной Украине кальки с русского языка практически не прижились, и термины-кальки – это проблема прежде всего Центральной и Восточной Украины, где они широко употребляются в языке специалистов, в научных текстах, учебниках и, наконец, в словарях, публикуемых АН Украины.

До настоящего времени появляются академические издания русско-украинских словарей, в которых, как и в предыдущие советские годы, предпочтение отдается терминам, образованным путем традиционного калькирования. Мы проанализировали перевод экономических, торговых и финансовых терминов в русско-украинских специальных словарях изданий последних лет, то есть перевод той терминологической лексики, которая обслуживает экономические отношения, формирующиеся в современной Украине. Нами выявлено довольно много случаев неоправданного калькирования русских терминов и введения их в указанные терминосистемы. Приведем следующие примеры: во всех переводных словарях предлагается термин *доход* (рус. *доход*) вместо естественной для украинского языка формы *дохід* (-ходу), то есть игнорируется такая фонетическая особенность украинского языка, как чередование О, Е (в открытом слоге) с І (в закрытом слоге); в тех случаях, когда русский термин переводится двумя языковыми единицами – термином-калькой и национальным термином, – для активного употребления предлагается только скалькированное слово (так, из словаря в словарь переходят терминологические словосочетания *оптовий продаж*, *оптовий збут*, *оптова ціна* и др., хотя русскому термину *оптовый* соответствует в украинском языке *гуртовий*); во многих случаях в переводной части словарей дается только термин-калька, например:

погашення векселя, погашення позики (рус. *погашение векселя, погашение займа*) вместо *оплата векселя* и *повернення позики*.

Приведенных примеров (которых могло быть значительно больше), по нашему мнению, достаточно, чтобы сделать следующий вывод: авторы современных русско-украинских терминологических словарей не учитывают всего опыта терминологической работы, который уже имеется в Украине. Большинство ученых-терминологов не рекомендует употреблять в терминсистеме слово-кальку, когда есть мотивированный термин, образованный средствами родного языка (часть таких терминов представлена еще в древних памятниках украинской письменности).

Особое значение для развития терминологической теории в Украине и для терминологической практики имеют материалы I (сентябрь 1992 года), II (сентябрь 1993 года) и III (сентябрь 1994 года) Международных научных конференций "Проблемы украинской научно-технической терминологии", состоявшихся во Львове. На этих конференциях получили свое дальнейшее развитие те концептуальные положения, которыми руководствовались в своей терминологической работе ученые 20-х – середины 30-х годов.

Все вышеизложенное позволяет, по нашему мнению, утверждать следующее:

1. Украинский народ имеет свою национальную терминологию, большой вклад в формирование которой сделали лексикографы 20-х – середины 30-х годов.

2. Задача современных языковедов – дальнейшее развитие национальной терминологии, что требует разработки концептуальных основ и практических рекомендаций относительно нормирования украинской терминологии в постсоветский период.

3. Поскольку в Украине русско-украинская терминографическая практика не соответствует в полной мере современному уровню теории терминообразования, одной из насущных задач терминографов является возвращение украинскому народу его собственной терминологии в русско-украинских словарях.

Л и т е р а т у р а

Шевелев, Ю. 1987. "Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941): Стан і статус", *Сучасність*.

Шелудько, І., Садовський, Т. 1928. *Словник технічної термінології (Загальний)*, Харків.